

УДК 111.62 : 159.922.1 : 316.423.6

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.107

ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВЕТСКОМ СОЦИУМЕ: ГЕНЕЗИС И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Е.В. Сеницына-Солодка

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва

В статье в рамках гендерного подхода рассмотрены компоненты социальной, экономической, политической программы постреволюционного российского государства, оказавшие влияние на трансформацию женской идентичности в советский период. Проанализирована специфика и динамика данных трансформационных процессов. Сделаны выводы о фактической нецелесообразности и нереализуемости идеи абсолютного равенства полов в нашем обществе, однако названы и конструктивные итоги попыток ее воплощения.

***Ключевые слова:** социальная идентификация, идентичность, половая идентичность, женская идентичность, советская женщина, освобождение женщины, эмансипация, женская субъектность, равенство полов.*

В рамках социальных исследований ученые обращаются к прошлому, чтобы выявить те механизмы, какими оно влияет на наше настоящее. Рассматривая историю как события, происходящие с мужчинами и женщинами, и их реакции на эти события, т. е. используя гендерный подход, мы можем проанализировать, каким образом складываются собирательные понятия о мужчинах и женщинах как категориях социальной идентификации и философского анализа [12, р. 1053–1075]. В данной статье нас будут интересовать изменения в общественном сознании представлений о женщине, ее предназначении и идентификации в эпоху Советского Союза, «истоки и особенности современных российских дискуссий о “женском” и “мужском”, общественных и семейных ролях мужчины и женщины» [1].

Социальная идентификация – это процесс самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом [7, с. 167], результатом ее является актуализация набора профессиональных, полоролевых и идеологических самоназваний – идентичности [1]. Время СССР уникально тем, что новая государственная идеология способствовала формированию не столько мужской или женской, сколько коллективной советской идентичности, которая у представителей старших поколений, интериоризировавших соответствующую систему ценностей, сохраняется вплоть до сегодняшнего дня (и зачастую эта «идентификация по принципу бывшего прошлого оказывается куда важнее и целостнее настоящей» [1]). Ведущим компонентом такой идентичности являлась гражданская составляющая: когда индивид в первую очередь отождествляет себя и свои интересы со

страной, государством, классом, профессиональной группой, затем – с семьей, друзьями, близкими, и только потом он обращает взгляд на собственное «я». Соответственно, гражданский и классовый уровни идентичности претендовали на преобладание над локальной, малогрупповой идентичностью, а коллективная идентичность – над индивидуальной.

Половая идентичность как один из аспектов личностной идентичности – в норме сущностное, т. е. заданное «по умолчанию», анатомо-физиологически детерминированное ощущение индивида – в идеологии Советского Союза лишь определяла некоторую специфику его гражданской жизни и деятельности, по ряду параметров отличную от индивидов другого пола. Однако, как пишет Ю.В. Градскова, именно это «обращение к несовпадающим характеристикам советской мужской и советской женской идентичности существенно изменяет взгляд на перспективы трансформации “советского человека” в постперестроечном обществе» [1].

На наш взгляд, основным моментом, характеризующим изменение женского бытия в постреволюционной России XX в., стало оперативно реализованное на практике идеологическое перемещение женщины из преимущественно частной сферы семьи в публичную сферу трудовой и социальной активности. Для решения задач модернизации и ускорения индустриального роста государству требовалось включить в производство не только мужское, но и значительную долю женского населения. Решение данной задачи коррелировало с большевистским марксистским лозунгом о равенстве полов – предоставлении женщинам равных прав¹ с мужчинами, возможности получения образования, профессиональной квалификации и последующего участия в жизни страны как активных субъектов политики, экономики, социальной сферы. Достижение подобного равноправия, согласно первоначальной концепции, предполагало освобождение женщины от «домашнего рабства» [9], включающего бытовую и эмоциональную заботу о своем ближайшем круге – семье, и приобщение к реализации более широких производственных и общественных интересов.

Центральной проблемой идеи абсолютного равенства оказалась репродуктивная особенность исключительно женского организма – способность вынашивать и рожать детей. Однако с раннего возраста детей планировалось передавать под государственную опеку с обеспечением их питанием, воспитанием и образованием. Подобная социальная политика препятствовала развитию привязанности между матерью и ребенком, предполагая отчуждение социальных и психологических функций материнства, и этим существенно ограничивала содержание материнской идентичности

¹ Сегодняшнее определение гражданских (личных) прав включает такую формулировку, как «права человека как биосоциального существа вне зависимости от пола и социального положения» [3], делая тем самым отсылку к прошлому, поскольку единый социально-правовой статус мужчин и женщин как порядок вещей существовал в нашем обществе не всегда.

женщины. Социальная функция отцовства в рассматриваемой модели равенства изначально оказывалась минимальной. Согласно ранней советской идеологии 1920-х гг., как мужской, так и женской идентичности следовало формироваться преимущественно в рамках трудового процесса и активной работы по преобразованию общества.

Социалистические революционные преобразования имели следующий план: ликвидировать замкнутую буржуазную семью и заменить ее свободным союзом равных в политических и социальных правах мужчины и женщины – «отношениями солидарности трудящихся индивидов разного пола» [1], упразднить домашнее хозяйство и ограничить материнство этапами вынашивания и родов, на последующих этапах заместив его государственной системой коллективного воспитания и содержания детей.

В.И. Ленин говорил о необходимости «полного освобождения женщины», «переделке ... заскорузлых, окостенелых порядков» [5, с. 67, 103], проявления женской пассионарности в строительстве нового социалистического мира. По-видимому, лидеры большевизма ожидали того, что, во-первых, женская активность окажется логически закономерной в результате получения образования и политического просвещения, а во-вторых – что прочтение политических деклараций приведет женщин трудящегося класса к отождествлению своих интересов с пропагандируемыми задачами. Однако к середине 1920-х гг. женщины в СССР составляли 75 % неграмотного населения [10, р. 169], а участие представительниц трудящихся классов в пролетарском движении было минимальным. Как отмечает Ю.В. Градскова, освободительная направленность пролетарского движения в отношении женщин, расширение их возможностей, прав и свобод не означали априорного знака равенства с осознанием ими собственной субъектности [1].

Ставшая после революции главой Народного комиссариата социального обеспечения Александра Коллонтай (практически единственная на тот момент женщина, пользовавшаяся авторитетом в среде высшего политического руководства) имела сомнения в легкости и однозначности программы решения «женского вопроса». В политике партии большевиков она видела как возможности, так и препятствия к женскому освобождению, связанные не только с представлениями о природе «женского», которые веками формировались в коллективном сознании, но и с особенностями непосредственно женской самоидентификации. По мнению Коллонтай, в новых социальных условиях женщинам предстояло преодолеть не только более высокий по сравнению с мужским уровень неграмотности, но – главное – осознать собственную субъектность: пройти сложный процесс трансформации самоидентичности, связанный с увеличением как возможностей проявления и реализации себя, так и личной ответственности. Такого рода задача требовала не только изменений в мире «снаружи», но и внутренних интенций! Так, одним из типичных свойств женщины прошлого, являвшимся одновременно ее украшением и недостатком, по

наблюдению Коллонтай, была эмоциональность. Это свойство не могло автоматически исчезнуть в результате получения женщинами статуса работниц. При выходе из частного, домашнего, бытового в публичное, трудовое и деловое, ранее по преимуществу мужское пространство, женщина, желая реально и конструктивно участвовать в реализации политического управления, оказывалась перед необходимостью «совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчина» [8, с. 15].

Данное обстоятельство, показывая психологические сложности, культурно обуславливало противоречивость внедрения равноправия на обозначенных началах, поскольку «основное направление изменений “женского” сводилось прежде всего к отказу от качеств, считавшихся традиционно “женскими” и замене их “мужскими”, без упоминания необходимости сколько-нибудь серьезных изменений стереотипов маскулинности» [1]. В рамках нового социального порядка мужчины представлялись существами более совершенными, в то время как женщины – до поры не способными к принятию самостоятельных решений, а потому нуждающимися в руководстве. Чтобы обрести субъектность, сделаться акторами общественного пространства, им следовало радикально изменить свою сущность, стать похожими на мужчин.

В период с 1920-х до начала 1930-х гг. повышение самосознания женщин осуществлялось путем привлечения к работе в женотделах² – организациях, призванных, в частности, обучить активисток навыкам действий в публичной сфере, дать опыт осуществления властных и контролирующих полномочий. Новая, непривычная деятельность не могла не сказаться на представлении женщин о самих себе и окружающей социальной реальности. Однако мужчины – их мужья – зачастую не были довольны подобным смещением направления женского внимания.

Таким образом, условие сохранения традиционной ячейки общества в контексте новых вводных в большинстве случаев выполнялось путем появления у женщины стабильной «двойной нагрузки» – совмещения нового опыта и традиционных повседневных задач в быту.

Отметим, что работа женотделов велась относительно локально и была сосредоточена на привычных для женщины проблемах распределения продуктов питания и одежды, воспитания и заботы о близких. При всей важности и ответственности этих задач их уровень не был сопоставим с решением финансовых, производственных, идеологических вопросов в масштабах страны, остававшихся преимущественно в ведении мужчин. Кроме того, с мужской стороны коммунистки нередко встречали неприятие: ведь классическая женская модель поведения – скромность, уступчивость, предоставление права решающего голоса мужчине – не всегда была характерна для участниц партийной среды.

² Их деятельность до 1930-х гг. освещалась в журналах «Делегатка» и «Коммунистка». Ее исследованию посвящены работы зарубежных авторов Г. Лapidус, Р. Стайтса.

В 1930 г. деятельность женотделов ВКП(б) упраздняется, к 1934 г. прекращается также деятельность всех делегатских собраний³. «Женщину пора уже начать выдвигать не как женщину, а как работника, полноправного, выросшего, развившегося» [1], – утверждает Л.М. Каганович. В связи с началом ускоренной индустриализации и необходимостью массового вовлечения населения, в том числе женского, в промышленное производство государственная политика вновь обращается к тезису марксизма о том, что трудовая деятельность для женщины – главное условие достижения ее равенства с мужчиной. Однако потребность сравниться с мужчинами в труде, принятая за аксиому, для различных категорий советских женщин на деле не была однозначной. Параллельно с ищущими своего призвания в сферах медицины, науки, образования и других отраслях многие работницы по найму, даже при наличии успешной профессии, видели в труде и занятости главным образом вынужденную меру по улучшению финансового положения и определяли ценность работы не реализацией себя в любимом деле и не включенностью в коллектив, а уровнем дохода.

В социальном и идеологическом отношении советские женщины представляли отнюдь не гомогенную страту. Городское женское население 1920–30-х гг. включало представительниц бывшего господствующего класса, новой партийной элиты, работниц, жен рабочих, советскую интеллигенцию и т. д. Работницы составляли всего лишь порядка 10 %. Процессы индустриализации и коллективизации стимулировали миграцию в города бывших крестьян, постепенно увеличивая этот показатель. К концу 1930-х гг. он превысил 40 %, а в середине 1970-х женщины составляли порядка 50 % всех рабочих и служащих страны [11, р. 96].

Фасадная презентация «советской работницы», которая активно велась советскими медиа (кинематограф, фоторепортажи и т. д.), представляла контраст женщины старого быта, в домашних делах, среди корыт и кастрюль, и женщины «освобожденной» – на фабрике-кухне, в механической прачечной и т. д. Существовали даже сюжеты, иллюстрирующие оставшееся на попечении мужа хозяйство, в то время как «партийка» (супруга, состоящая в партии) ушла на собрание [2]. Статус домохозяйки, единственной функцией которой была забота о доме, муже и детях, постепенно переставал рассматриваться как безусловно привлекательный. Идеальная представительница будущего репрезентируется как женщина-партнер в строительстве социализма. Свидетельствами успешности становятся маркеры «член комсомола», «отличная общественница», а также различные показатели трудовой эффективности и сверхпроизводительности.

Наиболее существенные изменения за время сталинских пятилеток претерпевает идентичность женщин-крестьянок, переехавших из деревни в город и повысивших свой профессиональный статус, войдя в рабочую среду. В то же время психологические тестирования женщин по-прежнему по-

³ Новые женсоветы появятся только в годы перестройки при М.С. Горбачёве.

казывают их повышенную (по сравнению с мужчинами) эмоциональную неустойчивость, характерную в целом пассивность и более низкий уровень развития. Вследствие чего не рекомендовано привлекать их к наиболее сложным и ответственным (а соответственно, высокооплачиваемым) участкам работы. В промышленных отраслях женщинам куда реже удавалось достичь высших разрядов и категорий. Тенденция к низкой квалификации женщин-работниц сохранялась и в последующие десятилетия. В начале 1980-х гг. женщин, относящихся к высококвалифицированным рабочим, было примерно в четыре раза меньше, чем мужчин [6]. Вопреки марксистскому тезису о полном профессиональном равенстве, сохранился ряд характерно мужских профессий, где представительство женщин на протяжении всей истории СССР было минимальным или отсутствовало вообще.

Исходя из сказанного выше, специфика женского труда в СССР (как в городской, так и в сельской местности) нередко выражалась в низкой квалификации, в существовании потолка перспектив профессионального роста, в тяжелых условиях и при этом в его обязательности либо вынужденности. Подобные обстоятельства формировали у значительной части женщин чувство недореализованности. А сферой, где осуществлялась возможность реализовать и найти себя, становилась семья, та самая семья, которой классики марксизма во имя освобождения женщины прочили упразднение.

В связи с включенностью в процесс индустриализации, «двойной загруженностью» и в среднем меньшим, чем у мужчин, количеством свободного времени для самообразования и саморазвития женщины получают от государства новую установку: подождать с освобождением до тех пор, когда будут решены более важные задачи. Женский «долг перед государством» перестает уравниваться с мужским – при сохранении принципа работы «на благо социализма».

Что касается структуры городского женского населения, то к 1940-м гг. она становится более однородной. Ведущим типом идентификации предстает советская женщина, работающая на производстве вместе с мужчинами, занимающаяся общественной деятельностью и организацией домашнего быта. Конечно, не стоит забывать о том, что в деревнях, селах, колхозах и совхозах, где проживала на тот момент половина населения страны, а также у народов Севера, Сибири, Кавказа – там, где гендерный порядок сохранял свою первозданность [4, с. 153–155], женская идентичность менялась куда медленнее.

Таким образом, направленная на достижение равенства полов (через уравнивание в трудовой и социальной активности) политика советской власти: не разрешила полностью проблему «женского вопроса», актуализировавшуюся еще до революции; не привела к эмансипации большинства женщин; ярко высветила противоречия между профессиональной и семейно-бытовой женскими ролями, реализацией себя в публичной и частной сферах жизни; обозначила перспективы развития женской субъектности;

добровольно-принудительно предоставила женщинам возможности самоактуализации в общественной активности, науке, труде и других публичных областях.

Список литературы

1. Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М.: Компания Спутник+, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder18187/Ю.В.%20Градскова%20-%20Обычная%20советская%20женщина%20.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
2. Журнал «Работница». 1926. № 19.
3. Капушак М. Права и свободы человека и гражданина. Корпорация Российский учебник. 08.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/prava-i-svobody-cheloveka-i-grazhdanina/> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. 188 с.
5. Ленин В.И. Ленин о трудящейся женщине. М.: Новая Москва, 1925. 33 с.
6. Сидорова Т.Н. Труд и современная женщина. М.: Профиздат, 1981. 143 с.
7. Словарь по обществознанию / под ред. Ю.Ю.Петрунина. М.: Издательство «КДУ», 2006. 512 с.
8. Успенская В.И. А. Коллонтай: радикальный проект женской эмансипации // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: материалы международной научной конференции. Тверь, 11 марта 2002 года. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 11–28.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2023. 288 с.
10. Kingsbury S. *Factory, Family and Woman in the Soviet Union*. New York, 1935. 334 p.
11. Lapidus G. *Women in Soviet society*. Berkeley: University of California Press, 1978. 381 p.
12. Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91, № 5. P. 1053–1075.

WOMEN'S IDENTITY IN SOVIET SOCIETY: GENESIS AND PROBLEMS OF FORMATION

E.V. Sinitsyna-Solodkaya

Russian University of Transport, Moscow

The article examines the components of the social, economic, and political program of the post-revolutionary Russian state, which influenced the transformation of women's identity in the Soviet period, within the framework of a gender approach. The specifics and dynamics of these transformational processes are analyzed. Conclusions about the actual inexpediency and unreal-

izability of the idea of absolute gender equality in our society are made however constructive results of attempts to implement it are also mentioned.

Keywords: *social identification, identity, sexual identity, female identity, Soviet woman, liberation of woman, emancipation, female subjectivity, gender equality.*

Об авторе:

СИНИЦЫНА-СОЛОДКАЯ Екатерина Владимировна – ассистент кафедры «Философия, социология и история» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва. E-mail: solodkaya.ekaterina@yandex.ru

Author information:

SINITSYNA-SOLODKAYA Ekaterina Vladimirovna – Assistant Prof. of the Department Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport, Moscow. E-mail: solodkaya.ekaterina@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2024